

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СЛУЧАЙНОСТИ ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

И.В. Мандрик

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Проблема смены политического режима и социально – экономического устройства через революционный процесс 1905–1907 гг. и 1917 года в Российской Империи, является объектом пристального научного изучения и дискуссий. Отечественная и зарубежная историография за текущие годы накопила немало изданий, в которых имеется обоснование **неизбежности** (равнозначно – **закономерности**), а также **случайности** коренных преобразований, что произошли в российском обществе в начале XX ст.

Зарубежные ученые, которые с интересом относились к изучению Российского государства периода конца XIX – начало XX ст. рассматривали российскую историю преимущественно в рамках принятой на Западе концепции индустриальной модернизации. Согласно этой концепции развитие исторического процесса разделено на пять стадий, где России отводилась роль догоняющего развития – «второго эшелона». Создатель этой теории У. Ростоу считал, что Россия к промышленной модернизации приступила лишь в конце XIX ст. Поэтому в начале XX ст. в связи с экономическим кризисом 1900–1903 гг. социально-политические противоречия здесь обострились до предельного уровня. Губительные последствия мирового кризиса в полуфеодальной России, на их взгляд, проявились острее и глубже, чем в других странах, вызвав раскол русского общества. Они отмечают, что в это время в стране реально имелись все объективные предпосылки растущего противостояния народа и власти. Революционное движение шло по нарастающей: революция 1905–1907 гг. есть закономерная реакция широких слоев населения на те порядки, которые существовали тогда в России [1]. Как видно, вопрос о возможности Первой русской революции 1905–1907 гг. учеными, как правило, под сомнение не брался.

Февраль 1917 г. зарубежные историки рассматривали, чаще всего, как нежелательное явление, которое вылилось в острую политическую борьбу за власть. Россия этого периода им представлялась, как преуспевающая держава, имеющая объективную предпосылку к дальнейшему прогрессу, не сумевшая преодолеть трудности цивилизационным путем из-за экстремизма большевиков.

Слияние февральской и октябрьской революции в единый революционный процесс 1917 г., большинство зарубежных (в последние годы и отечественных) ученых-историков не оправдывают. События эти, в их понимании, были совершенно разными. В 1917 г. Российская Империя, как и многие другие европейские империи, подошла к эволюционному (а не революционному) демократическому преобразованию. Никакой революции в феврале 1917 г., как они представляют, не было: эпоха монархии заканчивалась, в стране действовала уже государственная дума четвертого созыва. На добровольный уход царя от власти подвигли вполне демократические формы протеста: демонстрации с требованием либерализации режима. В результате чего было сформировано Временное правительство. Россия совершенно эволюционно стала республикой и вступила в эпоху демократии. Такие преобразования проходили демократическим путем, поскольку полностью поддерживались как элитой, так и большинством общества. 6 октября Временное правительство распустило думу, и началась подготовка к выборам в Учредительное собрание, которое должно было стать коллегиальным органом государства [2, с. 62].

Что касается Октября и прихода к власти большевиков во главе с В. Лениным, то это событие в зарубежной историографии подводится под концепцию «случайности». То, что произошло в конце октября 1917 г. по мнению авторов тоже нельзя называть революцией, это был государственный переворот, поставивший крест на российской демократии. Отдельные авторы, освещавшие историю Октябрьской революции, увидели ее конечный результат в заговоре «единого мирового еврейско-массонского большевицкого» союза. Становым хребтом заговора они называют «Протоколы сионских мудрецов» [3, с. 66].

Комплексный анализ научных работ отечественных авторов, свидетельствует, что при отображении исторических событий февральской и октябрьской революции 1917 г. и главных действующих в них лиц, постоянно вносились изменения. В ранней советской историографии господствовал тезис об отсталости и полуколониальной зависимости России от Запада, исходя из этого исследователи делали вывод о неразвитости российской экономики, забитости и некультурности народа, бездарности и близорукости императора и всей самодержавной иерархии. Имущие слои в истории партии и гражданской истории выглядели как единая реакционная сила. Причины народных движений сводились в основном к непримиримой классовой борьбе. В вышедшем в 1938 г. учебнике «Истории ВКП(б). Краткий курс», февральская революция раскрывалась как событие периода империалистической войны. Война, из фактора ускорителя революции превращалась в ее причину.

В 1960-е гг. советская историография преодолела тезис об отсталости и полуколониальной зависимости России. Вслед за зарубежными учеными, отечественные историки стали высказывать суждения, что к началу Первой мировой войны Россия была страной среднеразвитого капитализма, по уровню монополизации и концентрации производства находилась в числе передовых стран. В то же время она являлась наиболее слабым звеном в империалистической системе. В экономике, социальном и политическом строе еще далеко не были изжиты остатки феодализма [4]. Экономическая, общественно-политическая и духовная жизнь в Российской империи давала веские основания для формирования в стране широкого оппозиционного движения, которое шло по нарастающей. В России XX века быстрее, чем в других империалистических странах, проходил процесс революционного созревания пролетарских масс. Это привело к революционным событиям и предопределило успех Февральской и Октябрьской революций. Большинство исследователей считают Февральскую революцию исходным пунктом процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

До середины 80-х гг. главным фактором поведения не только низов, но и верхов осенью 1917 г. в фундаментальных исторических работах называлось экономическое состояние страны, неспособность режима организовать военную экономику, наладить снабжение населения продовольствием. Утверждалось, что в условиях войны усиливались антивоенные и революционные настроения в обществе, армии, происходила резкая радикализация настроений интеллигенции и политическая изоляция самодержавия.

Революционный процесс советские историки чаще всего преподносили чрезмерно организованным, планомерным, искусно подготовленным. Стихийное движение рабочих и крестьян на местах, их поиски выхода из кризисного положения, рассматривались лишь как отражение революционной борьбы в центрах страны. Зная, что произошло в октябре 1917 г., советские историки, вольно или невольно подгоняли исследование под свершившийся результат.

В последние годы восприятие и отношение к Октябрьской революции 1917 г. различное. Одни считают ее Великой революцией, которая положила начало новой эре в истории всего человечества. Другие наоборот, характеризуют это явление во всех смыслах негативным для России и для Беларуси. В научных публикациях это историческое событие стало именоваться как «Великая Российская Революция», «октябрьский переворот», «Октябрьское восстание», «большевистский переворот» и др.

В России все события от февраля до октября 1917 г. в школах стали изучать по-новому. В историко-культурном стандарте (ИКС) **7 ноября** в списке исторических дат называется: «Февраль – ноябрь 1917 г. – Великая Российская революция». В какой логике находятся эти два события пока в учебниках не объясняется. И не случайно, в самом обществе, и среди специалистов по-прежнему отсутствует четкое понимание термина «революция». Хотя каких-то серьезных изменений энциклопедического значения термина революция в последние годы не произошло. Как отмечают отдельные историки, идея, заложенная в (ИКС) – предельно простая и понятная, отсылающая к неудачной попытке Б. Ельцина назвать 7 ноября «днем примирения и согласия». Налицо «качественно новые» историографические выводы. Из истории извлечено только то, что звучит «актуально» для сегодняшней политической конъюнктуры.

Белорусские историки в последнее время вместе с отказом от мифологизированных подходов к истории страны, меняют свои взгляды на историю Октябрьской революции. Признавая Великую Октябрьскую революцию как событие мирового масштаба, они не считают, что она имела, как это утверждалась ранее, фатальную неизбежность. Разумная политика царского правительства и его союзников по Антанте могла разрядить революционный кризис, перевести его в режим необходимых для страны социальных реформ, ограничив монархию, как историческую форму власти, представительными учреждениями. Утверждается, что после отмены крепостного права правительство России понимало важность модернизации страны, содействовало ускоренному промышленному развитию. Несмотря на серьезна подорваны авторитет монархии, в народных массах он еще прочно сохранялся. Российское государство воспринималось как «царство» [5, с. 18].

Хорошо заметно, что по мере отдаления от свершившихся трех российских революций, взгляды одних и тех же авторов по этим событиям менялись, у отдельных авторов – радикально. В бывших советских республиках дискурс по этой проблеме, чаще всего, носит обостренное неприятие прошлого и политическую окраску.

В научных кругах не принято искать крамолу или обвинять авторов в радикальных изменениях собственных воззрений на происходящие события. Здесь, скорее к месту будет вывод авторитетного английского политика и историка Э. Карра о том, что «Историк – человек своего времени и привязан к нему условиями своего существования как человек» [6, с. 10]. Историк – часть истории, он отражает общество, в котором живет. Историк сам изменчив, потому события, особенно потрясающие воображение миллионов, он пытается раскрыть, опираясь на разработанность проблемы и собственные (субъективные) взгляды. В принципе каждый историк, будучи во всеоружии исторических фактов и исторических знаний, вправе иметь свое видение изучаемого им отрезка времени. Свое видение придает исследованиям индивидуальный, авторский характер, но критерием развития науки может быть только приближение к объективной истине, к отражению реальной исторической действительности. Важное место в объективном освещении исторического прошлого имеет уровень развития общества, его культурный и нравственный потенциал, методологические установки, степень взаи-

модействия общественных наук. В этой связи автор данной статьи считает, что с научной точки зрения, Февральская и Октябрьская революции могут остаться в истории (как это есть сегодня в Беларуси) двумя последовательными фазами единого процесса, начавшегося еще в период первой российской революции 1905–1907 гг. Революции 1905–1907 гг., Февральская революция уникальны тем, что в их процессе приобретен опыт реального демократизма, политического воспитания масс на практике. Февральская революция имела возможность мирного перехода власти к трудящимся через Советы, которые рождены творчеством масс в 1905 г. И только в силу исторических обстоятельств эта возможность не стала реальностью. В сложном переплетении и противоборстве классовых сил, участвовавших в Февральской революции, просматривались возможности победы Октябрьской социалистической революции. В результате близорукой политики царизма, социального раскола общества и развития социальной злости в обстановке неудачной войны. По мере того, как царизм обнаруживал неспособность наладить снабжение населения продовольствием, организовать военную экономику, среди всех слоев зрело глухое недовольство ко всей отжившей системе власти, что и подводило массы к новой (после 1905 г.) революции. Вспыхнувшая стихийно в феврале 1917 г. вторая российская революция смела царизм и положила начало второму – октябрьскому этапу.

Хотя ход российских событий начала XX ст. таил в себе разный исход: Россия могла превратиться в конституционную монархию, буржуазно-демократическую республику, приобрести и другие формы правления. Однако в результате экономического и политического кризиса, слабости и ошибок Временного правительства, авантюризма правых сил, радикализма «низов», растерянности меньшевиков и эсеров, политической воле большевиков, их понятным и своевременным лозунгам, реализованной оказалась большевистская программа. Октябрьская революция – не плод большевистского переворота, в ней вековые чаяния крестьянства и рабочего класса, жажда мира солдат и матросов, тяга народов национальных окраин России (в том числе и белоруссов) к свободе и свету.

Необходимо также признать, что возглавив массы в период Октябрьской социалистической революции, большевики нашли выход из трудной и противоречивой ситуации того времени. Новая власть действовала энергично, попытки внутренних контрреволюционных группировок и стран Антанты устранить власть большевиков окончились неудачей. После Октября страна удивила весь мир своими успехами. В короткие сроки СССР превратился в одну из двух сверхдержав, обеспечив тем самым мировое равновесие. Во всех 15 союзных республиках произошли изменения планетарного уровня. Достигнута всеобщая образованность населения, обеспечены социальные гарантии, создана оборонная экономика. По объему промышленного производства СССР вошел в число наиболее развитых стран мира, осуществил прорыв в космос. СССР имел высокий авторитет в мировом сообществе. Для Беларуси с ее дореволюционно низким уровнем развития, достижения в советское время были особенно впечатлительными. Республика приобрела в это время собственную государственность, значительно продвинулась в техническом и культурном уровне. За годы советской власти Беларусь приблизилась к среднеевропейскому уровню развития.

Каждый новый уровень в развитии общества расширяет горизонт исторического познания, ставит все новые и новые вопросы перед учеными и дает им направление в ответах на них. **Поэтому очень полезным может быть осмысление вынесенного на конференцию вопроса о Великой Российской Революции, полное**

официальное название которой до распада СССР было, в Беларуси осталось и теперь – **Великая Октябрьская социалистическая революция.**

Источники и литература:

1. Вернер Э. Кризис русского самодержавия. Николай II и революция 1905 г. – 1990. – 412 с.
2. Emmons N/ed Emancipation of the Russian Serfs/ New York, 1970.
3. Лакер У. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Изд-во «Проблемы Восточной Европы». – 478 с.
4. Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. М.:1975; Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: 1977; Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). М., 1979.
5. История Беларуси: учеб. Пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования. В 2 ч. Ч. 2 / Я.И.Трещенок; А.А. Воробьев, Н.М. Пурышева, М.И. Матюшевская; под ред. Я.И. Трещенка. – Молилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2005. - 310 с.: ил., карт.
6. Эдвард Карр История Советской России Большевицкая революция 1917-1923. М.: Прогресс, 1990.

ПРИЧИНЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ОЦЕНКАХ А.И. ДЕНИКИНА

А.М. Ипатов

Воронеж, ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Произшедшие столетие назад революционные события в России до сих пор не получили однозначной оценки в историографии. В этом нет ничего удивительного, поскольку отношение современников и исследователей определялось различными обстоятельствами. Для тех, кого революция привела к власти, либо повысила их социальный статус и укрепила материальное положение, события февраля и октября 1917 г. будут восприниматься скорее как положительное явление, положившее конец многовековой тирании Рюриковичей и Романовых. Напротив, многие царские сановники, ряд руководителей армии, убежденные монархисты восприняли отречение Николая II не только как личную трагедию, но и как предвестник краха российского государства. Приход к власти большевиков тем более рассматривался ими как узурпация власти «чернью», не обладавшей ни правами, ни способностями для управления государством.

Однако немало было тех, кто с одной стороны сочувствовал лозунгам Февральской революции, считая, что самодержавие как система власти исторически изжила себя, но с другой – не поддерживали приход к власти Ленина и его сподвижников в октябре 1917 г. Более того, ряд недовольных новым большевистским руководством политиков, военных, представителей науки и культуры начали с ним борьбу. Кто-то выехал из страны, выражая свое несогласие с принципами построения государства на советской основе, другие взялись за оружие. Одним из ярчайших представителей белого движения был А. И. Деникин. Впоследствии он обобщит опыт личного восприятия событий 1917–1922 гг. в обширном труде, название которого – «Очерки русской смуты» – демонстрирует отношение автора к описываемым событиям. Первый том выйдет в Париже в 1921 г., пятый, заключи-